

ГОРЬКИЙ — А. Н. АФИНОГЕНОВ

Александр Николаевич *Афиногенов* (1904—1941) впервые встретился с Горьким в марте 1932 г. во время своей заграничной поездки (по Польше, Германии, Швейцарии, Италии, Франции). В течение двадцати дней он гостил у Горького в Сорренто, подолгу беседуя с ним о литературе, слушая воспоминания Горького о своей жизни. Горький щедро делился с Афиногеновым творческими замыслами, подсказывал ему темы для пьес. Встреча много дала Афиногенову как писателю. «Для меня яено теперь, что что-то нужно решительно менять в моей жизни, когда я вернусь в Москву,— писал он своей матери А. В. Афиногеновой из Сорренто 11 апреля 1932 г.— Это „что-то“, очевидно, решительный отход от всяких мелочей и пустяков, живые люди и знания — новые встречи, новые знакомства, может быть, большой объезд СССР. Писать мне ничего не хочется, так много надо переоценить, передумать, поставить на новые места» («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания». М., «Искусство», 1957, стр. 192).

Воспоминания Афиногенова об этой встрече запечатлены в его статье «В Сорренто», опубликованной в журнале «Красная новь», 1932, № 9.

Впоследствии Афиногенов неоднократно встречался с Горьким в Москве, в связи с работой в Оргкомитете и Правлении Союза советских писателей.

Горький в 1935 г. редактировал тезисы доклада Афиногенова о театральной критике на Втором пленуме ССП.

Общение с Горьким, строгая и в то же время дружелюбная горьковская критика во многом способствовали идейному, творческому росту Афиногенова.

«Когда вижу его — хочется писать лучше и стать замечательным писателем», — записывает Афиногенов свои впечатления о Горьком в период работы Первого всесоюзного съезда советских писателей («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 109).

Пьесы Горького являлись для Афиногенова подлинным образцом драматургического искусства. «„Егор Булычов“, — писал он, — обрушивается лавиной людских характеров, столкнутых в яростной борьбе вокруг собственности и смерти» («Прекрасный спектакль». — «Советское искусство», 1932, № 44, от 27 сентября).

В свою очередь Горький ценил талант Афиногенова, считал его «настоящим драматургом» (см. «А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 99).

«Я советую вам показать пьесу Афиногенову, автору „Страха“, — пишет Горький Л. Я. Колосу в начале 1932 г. — Мне кажется, что он лучше, чем я, расскажет вам о достоинствах и недостатках вашей работы и товарищески поможет вам исправить ее» (АГ).

Из переписки Горького с Афиногеновым были опубликованы три письма Горького: письмо, датированное апрелем (после 12-го) 1933 г. («Лит. газета», 1959, № 38, от 28 марта, опубликовано частично); от августа 1934 г. («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания»); от января 1935 г. (т. 30, с. 376—377) и три письма Афиногенова от 6 апреля 1933 г., 20 октября 1933 г. и 31 июля 1934 г. («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания»).

Ниже публикуются два письма Горького Афиногенову и четыре письма Афиногенова Горькому. В комментариях к письмам частично использованы материалы книги «А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания». Составитель и редактор А. О. Богуславский. М., «Искусство», 1957.

1

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

Поезд Генуя — Ветемилле <Вентимилья>. 17 апр(еля 1932 г.)

Пользуясь несколькими часами, оставшимися мне до французской границы, хочу, дорогой Алексей Максимович, еще раз по-товарищески поблагодарить вас за вашу подлинную сердечность, теплоту и участие, которое проявили вы ко мне.

Признаюсь, мне трудно было ехать к вам, так как я страшно туго схожусь с людьми, это скверно для писателя, но таков уж факт, — после первой же беседы с вами я почувствовал облегчение, а после того как слушал вас и узнал вас и всех ваших поближе, — окончательно подомашнему расположился, чему доказательством — «афиногеновский вечер» перед отъездом.

И самое дорогое для меня — это ваша тема, подсказанная как сюжет и основа будущей пьесы¹, — это зерно я уже несу в себе, я уже «забеременел» темой, теперь осталось только переболеть и сесть за письменный стол. Я думаю начать вплотную работать над ней в Париже — после первых двух-трех недель беготни и осмотров.

И тогда — опять напишу вам, изложу все, что накопится к тому времени, и в какую форму будет отливаться.

А сейчас — желаю вам счастливой дороги в Советский Союз, куда — вопреки белой печати — вы едете несколько раньше июня² и не только потому, что вас вытребовал к себе Сталин!

Крепко жму вашу дружескую руку!

Привет всем, всем вашим, особенно Надежде Алексеевне³ и Максиму, с которым я проделал, по моим подсчетам, тысячи полторы километров⁴.

Ваш А. Афиногенов

К письму сделана приписка рукой жены Афиногенова Дженни Афиногеновой на английском языке: I look forward to bring you again in Moscow my greetings and thanks. Je a n u a (Я с удовольствием думаю о том, что в Москве снова смогу передать вам мои поздравления и благодарность. Ж е н я).

¹ О какой конкретно теме идет речь, сказать трудно. В дневнике Афиногенов записал следующие высказывания Горького:

«У меня для вас темы кое-какие есть, завтра придете — расскажу, теперь нам люди и темы нужны обобщенные, может быть, чуть символические...» <...> Вторая беседа с Горьким. Темы пьес.

Министр, крупный европейский ум, а за ним политику делают те, против кого он, м(ожет) б(ыть), субъективно настроен. У министра — доктор, живет прошлым авторитетом и тем, что он теперь личный врач министра, наукой своей не интересуется. Слуга — на его глазах прошли журналисты, пройдохи, советчики и капиталисты, — он знает все, что говорится о министре, он ненавидит министра, но еще продолжает ему служить, м(ожет) б(ыть), пригодится и его секретарь, он умнее, после смерти министра, а министр болен безнадежно, и он знает это и к своей смерти готовится, после смерти, м(ожет) б(ыть), секретарь будет на высоком посту. А секретарь уже заигрывает с будущим заместителем министра, его другом, заместитель выспрашивает секретаря об интимностях в жизни министра, а секретарь — слугу о том же, но в личном плане, чтобы иметь оружие на всякий случай.

У министра жена и любовница, — перед ней он хочет раскрыть все его мучащее, но и здесь — чужое, все чужое, распадаются скрепы этой жизни, после смерти министра распадутся связи людей, у которых сейчас уже свои интересы и своя жизнь, а за окном гремят по улицам проезжающие пушки и танки — это плод жизни министра, песни рабочих демонстраций — это ответ на пушки, умирает министр, приходят поклониться его телу десять-пятнадцать фигур, крупные промышленные тузы, каждый произносит по фразе-другой, а все вместе — та цепь фигур, которая соединяет капитализм и которая уже рвется.

Вторая тема — о СССР и отношении к нему. Материалы по документам. Белые в Париже организовали контрчеку, у них свои штабы, проникают в посольства, охраняют белых, нападают на граждан СССР, работают, словом.

То же самое в других странах. Это можно здорово разделить, как моменты окружения нас, подготовки войны, как столкновение сил и миров. В обозрении можно

противопоставить министра, выступающего с речью — долой машины, банкира, который ханнул миллионы и потому пользуется всеобщей завистью и уважением, и — с другой стороны, рабочего, ленинградского маляра, кот(орый) внес предложение о дне индустриализации.

Приходит на завод деревенский парень. Поля рождают просторы в мыслях и неопределенности их. И тут машины, воля, скованная в станках, человек и его могущество, от одной руки — тысячи лошадиных сил приходят в движение, — это сковывает, но это и двигает вперед.

Тема сатирическая, бытовая. Перед занавесом чёрт. Он в сюртуке, он извиняется за свое существование, но он существует. Он здесь будет организовывать цепь, заговор случайностей, чтобы люди через эти случайности пришли в соприкосновение и обнаружили тем самым свои внутренние качества, свои бытовые уродства. Чёрт передвигает вещи, подсовывает письма, чёрт создает внешние мотивировки для развития поступков людей в их бытовом окружении. Он порой язвительно усмехается и спрашивает в публику: „Каково, хорошо ведь работаю, вот как людишки сталкиваются, вот какая чертовщина разыгрывается“ («А. Афиногенов. Дневники и записные книжки». М., «Советский писатель», 1960, стр. 108, 110—111).

Вопроса о новом репертуаре для советского театра касается Горький и в письме к П. А. Маркову от 4 февраля 1932 г.: «Протоколы заседаний по вопросу о праздничном репертуаре к 15 Октябрю — прочитал и все три проекта — не одобряю. У меня есть кое-какие соображения и темы, которые я хотел бы представить вниманию и суду талантливых наших драматургов: Булгакова, Афиногенова, Олеси, а также Всев. Иванова, Леонова и др. <...>. Расскажу об этом в Москве, а пока сообщу, что мне мерещится сатирическое обозрение наиболее характерных событий европейской жизни за истекшие 15 лет. Это должна быть вещь веселая. Я вообще за веселое и против торжественного, ибо последнее гораздо чаще похоже на похороны, чем на свадьбу. Есть у меня и две темы смешных пьес, героем одной из них является Чёрт — настоящий! — а другой — министр — тоже настоящий. Чёрт — для Эрзмана, а министра надо бы обработать коллективно, ибо он не какой-нибудь определенный, а — типичный „спаситель науки“, в коем воплощаются: Бриан и Макдональд, и всякие прочие. Весьма смешно!..» (АГ).

См. также письмо Горького А. Н. Тихонову (январь 1932 г., т. 30, с. 231—233).

² Горький приехал из Италии в Москву 27 апреля 1932 г.

³ Н. А. Пешкова, жена сына Горького, Максима Алексеевича Пешкова.

⁴ Речь идет о поездках Афиногенова по Италии на автомобиле, которым правил М. А. Пешков.

2

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 6 апреля 1933 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

С трепетом и страхом посылаю вам свою пьесу¹.

Не потому, что боюсь строгого вашего взгляда, — в деле этом я нуждаюсь прежде всего в правдивой и ясной оценке.

Нет, страшновато мне потому, что пьеса эта для меня является откликом на многие и многие вопросы моей жизни как писателя — и выношена она с кровью...

А вопросы эти не дают мне покоя, о них неоднократно начинал я писать вам, но все откладывал, не чувствуя сил и твердости высказать все до конца. В конце же решил — напишу сначала пьесу, пошлю, а потом, если вы прочтете и напишете по поводу нее, — уж я и «исповедаюсь» вам в жестоких моих мыслях, сомнениях, нерешенных вопросах.

Их, этих вопросов, не столько много, сколько острые они и не дают жить покойно. И ответов на них не получаю я ни в умных книгах, ни в беседах. <...>

Не думайте, что мои сомнения в себе — плод интеллигентской рефлексии. Может быть, как раз интеллигентности во мне недостаточно, м(ожет) б(ыть) тычусь я, как слепой щенок, в уже давно пробитую дверь, но ясно для меня одно — что-то мне надо делать с собой, вылезать из прежней шкуры, поворачивать, переоценивать систему взглядов и вкусов — словом, надо построить жизнь для себя — жизнь человека, определившего свою дорогу как дорогу писателя и уверенного в себе.

О том же, почему нет уверенности и что именно тяготит меня, — позвольте уж написать после прочтения вами «Лжи».

Крепко жму вашу руку, дорогой мой.

А. Афиногенов

6.IV.33.

¹ Афиногенов прислал Горькому пьесу «Ложь» («Семья Ивановых»), написанную в начале 1933 г. (см. письмо 3, прим. 1).

ГОРЬКИЙ и А. Н. АФИНОГЕНОВ
 Фотография М. А. Пешкова. Сорренто, 1932 г.
 Музей Горького, Москва

3

ГОРЬКИЙ — АФИНОГЕНОВУ

〈Сорренто. Апрель, после 12-го, 1933 г.〉

Литературно — в смысле освоения вами словесной формы — пьеса весьма удачный шаг вперед от «Страха» и — с этим вас можно поздравить.

О недостатках ее художественной — эмоциональной — образной убедительности я скажу в конце письма, а сейчас разрешите изложить мой взгляд на социально-политическое значение пьесы.

Я думаю, что она была бы, вероятно, весьма полезна, если б можно было разыграть ее в каком-то закрытом театре, пред тысячей хорошо грамотных ленинцев, непоколебимо уверенных в правильности генеральной линии и действительно таких, которые, — говоря словами Рядового¹, — «на правду не молятся» и никакой лжи не боятся. При этом требовалось бы, чтоб и актеры, разыгрывающие пьесу, тоже были бы социалистами искренно, а не потому, что быть социалистом — выгодно. При наличии таких — конечно, невозможных, да и унижительных для нас условий, тысяча — или тысячи — партийцев наглядно убедились бы, какие в их среде живут уроды и какой словесный хаос кипит в башках этих уродов. С этими уродами у нас непрерывно борется партийная публицистика; соглашусь, что борется она не очень талантливо и недостаточно успешно. Однако, она всегда, более или менее ясно, различает под хаосом блуждающей и «бунтующей» мысли классовые — мещанские эмоции, классовый «атавизм».

Но пьеса ваша назначена для просмотра миллионами советских граждан, в массе коих социалисты еще не преобладают, как вам известно. <...>

Что из вашей пьесы громче всего прозвучит в ушах мещанина, останется в памяти его и укрепит его надежды?

Фраза Кулика, пролетария, который обижен тем, «что его обгоняют сопляки, кончившие вузы». Вот он, пролетарий — спаситель мира — скажут мещане друг другу. В пьесе вашей Кулик остался ненаказанным за эту фразу.

Фраза Горчаковой: «Массы должны доверять нам, не спрашивая, правда это или ложь».

Слова Рядового: «С ложью жить теплее».

Слова Нины в третьем акте. Слова Накатова о «янычарах».

Фигура Накатова, очень знакомая и любезная мещанству. Накатов — оппозиционер — заинтересует зрителя более, чем все другие герои вашей пьесы, ибо зритель — в большинстве — тоже «оппозиционер». Вы сделали Накатова — дураком, но это — не правда, как вы знаете. Накатов — не глупы, хотя и служат отражением глупости мещанства, отражают ее потому, что испуганы ею.

Но у вас и Рядовой — глуп, хотя вы, как будто, показываете его «положительным» героем. Глуп он во всем поведении, а особенно, когда перечисляет «слова на обман». Ложь не имеет ничего общего с «выдумкой», на которой основана вся материальная культура: письменность, книгопечатание, техника; эпос, поэзия — тоже «выдумки». Выдумка и ваша пьеса. Неудачная выдумка, хотя — не отрицаю — создана на реальном материале. Рядовой у вас — сторонник лжи как боевого приема, как «обмана» на фронте, как приема военной стратегии. Камуфляж, это — ложь? Если вы его косноязычными устами хотели утвердить необходимость лжи в борьбе за торжество мировой правды пролетариата, вы — так, как это сделано вами — компрометируете величие правды.

Партийца вы наделили фамилией Сероштанова. Мещане примут это как аллегорию, очень приятную им. Да и все фигуры пьесы сероваты. Все — устали, ни в одном из них не звучит пафос бойцов за социализм, психика всех построена на мотивах индивидуализма, на борьбе за свое «я». Такова же и Нина, которая вам, видимо, нравится больше других. Партийно мыслящих вы показали как примитивно мыслящих. Сторонники лжи у вас живее бойцов за правду, аналитики умнее синтетиков, как всегда изображала старая буржуазная художественная литература. Это было ее силой, но этим отображалась ее классовая изношенность, ее бессилие.

Вашу пьесу с огромным удовольствием примут белоэмигранты, и она, конечно, понравится всей вообще буржуазии. «Так вот каковы они,

«...»», — скажут мещане всех стран, а пролетарии будут горестно удивлены, — в лучшем случае. Вообще — она должна подействовать на них, как микстура «жаропонижающая». А — не надо забывать, что высокая температура человеческого организма — признак его энергичной борьбы против болезнетворных начал.

Дорогой мой друг. Нам, литераторам Союза Советов Социалистических, давно уже пора усвоить простую истину: мы пишем не только для пролетариев Союза нашего, но — для пролетариата всех стран. Это — факт неоспоримый. Он возлагает на нас огромнейшую ответственность.

Ваша путаная Нина в длиннейшей беседе с Рядовым сказала одну хорошую правду: «О хорошем надобно больше писать». Но, по Рядовому, хорошее — это ложь, ибо это — «выдумка», а выдумка — вытяжка из реального опыта.

Ваша пьеса неудачна и вредна потому, что вы попали в тесный плен грубейшего эмпиризма, придали слишком много значения своему личному опыту. Позвольте мне напомнить вам мой случай разногласия с Владимиром Ильичем. Я считал себя человеком более широкого опыта, чем он, теоретик. Отчасти он сам был виноват в этой моей смешной и глупой ошибке, ибо в Лондоне — и не только там — жаловался мне, что плохо знает русскую действительность и что «посредством статистики, арифметики всего человека не разоблачишь». В 17 году мой эмпиризм послужил основой моего скептического отношения к силе пролетариата и, как вы знаете, «теоретик» оказался сильнее эмпирика, ближе к исторической правде. Ошибка эта дорого стоила мне, я — глубоко, горячо любил и уважал Ильича и никогда не чувствовал себя так сиротски, таким бессильным, как в год его смерти. Вот, дорогой товарищ, над этим случаем вам нужно подумать, он — крайне поучителен. Поймите меня и не обижайтесь, я говорю с вами как друг и соратник, как боец одной роты с вами. Вы взяли тему непосильную для вас. Это — огромная тема, и вы для нее — молоды. У вас нет той широты и того разнообразия опыта, которые требуются для того, чтоб разработать эту тему во всей ее глубине. Над нею надобно работать не один год.

Теперь разрешите указать на художественные шероховатости пьесы.

Горчакова — интеллигентка, так? Вы написали ее недостаточно ясно. Примитивный и пошлейший индивидуализм Кулика настолько обнажен вами, что Горчакова должна быть показана или глупее, пошлее его или же — хитрей; в последнем случае она пользуется Куликом как орудием достижения ее целей. Крайне сомнительно, чтоб она искренно могла признать «цельным», «непоколебимым» человека, который обижен тем, что его «обгоняют сопляки, кончившие вузы». Заявить ему: «Буду учиться у тебя силе воли», она могла бы только из хитрости, из желания сделать его послушным ее намерениям.

Во втором акте она признает свою «ошибку с протоколом», но в первом искажении Куликом слов Нины — «Я хочу не только верить» — так грубо и очевидно, что Горчакова не могла согласиться с толкованием Кулика.

Сцена Рядового — Накатова сделана вяло. В ней не хватает каких-то очень сильных слов со стороны Рядового.

Совершенно не оправдан выстрел Нины, да не оправдана и «ложь» ее по поводу выстрела, что крайне усиливает пессимистическую окраску всей пьесы.

Не стану перечислять ее «недоделанностей», а они — есть. Подумав, вы сами найдете их, и — лучше, если найдете именно сами.

Так же, как Нина, вы сами, Афиногенов, несколько чрезмерно «умиляетесь собственной праведностью», «влагая палец в язвы» партии. Вы

знаете: я — не партиец, внутренняя, интимная жизнь партии — мало знакома мне. Но — большевика как тип я знаю тридцать лет. Может быть, я никогда не сумею изобразить большевика так, как он заслуживает. Но я имею все основания сказать, что вам этот тип человека — не ясен. Затрудняюсь сказать — почему? Но думаю, что по молодости вашей и вследствие малого знакомства с биографией большевика, который важен, интересен не со стороны его недостатков, а со стороны его достоинств. Его недостатки коренятся в прошлом, которое он неутомимо разрушает, достоинства — в настоящем, в работе строительства будущего.

Мы, литераторы, начинаем говорить о необходимости социалистического реализма в литературе, — реализм этот может быть основан только на социалистическом опыте работы, произведенной партией за 15 лет. Нам надобно выучиться смотреть на прошлое и настоящее с высоты целей будущего. На эту тему мы побеседуем при свидании.

Датируется на основании письма 2.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького.

¹ Здесь и далее — персонажи пьесы Афиногенова «Ложь». В этой пьесе Афиногенов пытался на материале общественной и личной жизни коммунистов поставить важные вопросы: о методах партийного руководства, о социалистической морали. Однако развитие характеров и драматического действия в пьесе оказалось подчиненным искусственной, надуманной схеме. После письма Горького пьеса перерабатывалась Афиногеновым и была принята к постановке многими театрами страны: МХАТ 1, МХАТ 2, Ленинградским государственным театром драмы и др. В конце октября 1933 г. состоялись две открытые генеральные репетиции «Лжи» в Харьковском государственном театре русской драмы.

Узнав об отрицательной оценке пьесы, высказанной И. В. Сталиным, Афиногенов обратился в театры с просьбой снять «Ложь» с репертуара.

4

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

Москва. 20 октября 1933 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Редакция журнала «Театр и драматургия» в связи с 35-летием Московского Художественного театра им. Горького выпускает специальный номер журнала ¹.

Редакция просит вас не отказать дать вашу статью о Московском Художественном театре, совершенно не связывая вас темой.

Ваша статья чрезвычайно ценна для выпускаемого номера.

В состав редколлегии вошли: гг. Афиногенов А. Н., Качалов В. И., Леонидов Л. М., Москвин И. М., Марков П. А., Судаков И. Я.

Представление рукописи крайне желательно 15 ноября.

Ответственный редактор журнала «Театр и драматургия»

А. Афиногенов

Дорогой Алексей Максимович! От себя лично очень прошу вас прислать хотя бы небольшое ваше высказывание, воспоминание, статью и т. д. и т. п. о МХАТ вашего имени! Это сразу подымет журнал на три головы!

Ваш А. Афиногенов

Письмо написано на бланке журнала «Театр и драматургия».

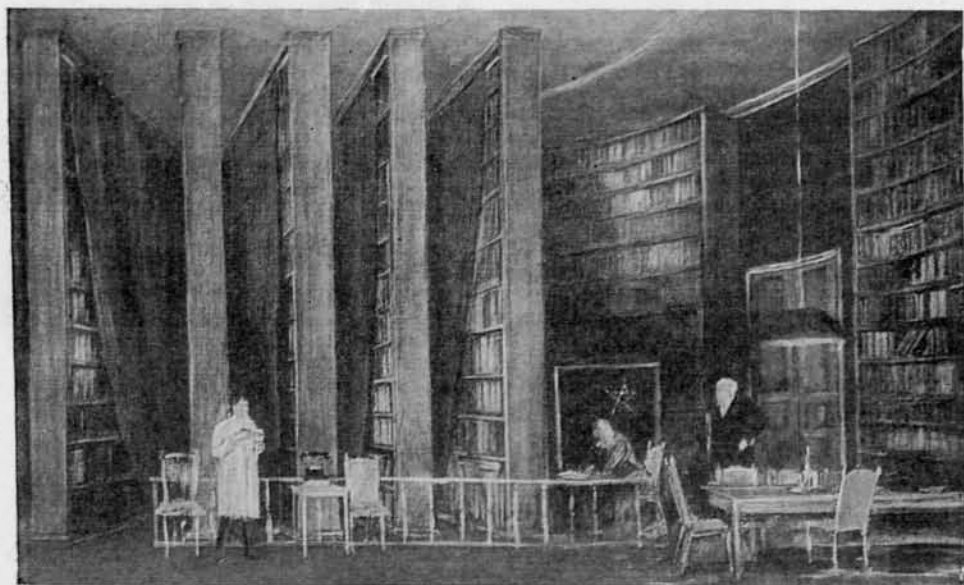
¹ Выпуск юбилейного номера журнала, о котором пишет Афиногенов, не состоялся. Материалы, собранные для юбилейного номера, вошли в раздел «Московский Художественный театр работает с автором», помещенный в журнале «Театр и драматургия», 1934, № 3 (стр. 23—43). Здесь было напечатано письмо Горького от 22 или 23 июня 1902 г. Вл. И. Немировичу-Данченко относительно пьесы «На дне» (см. т. 28, № 217).

АФИНОГЕНОВ — ГОРЬКОМУ

М(осква). 31 VII <19>34.

Дорогой Алексей Максимович!

Все это время работал над пьесой. Переделал ее совершенно. И называется она теперь «Портрет»¹, так как тема ее определилась иначе. Раньше, если вы помните, героиня моя Лиза Сорокина боролась против мещанского непонимания и недоверия, против среды, из которой, в конце концов, уходила.

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ПОСТАНОВКЕ ПЬЕСЫ А. Н. АФИНОГЕНОВА «СТРАХ»
В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ, 1931 г.

Работа Н. А. Шифрина

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

После разговора с вами² я понял, что в этом случае — получается крен в сторону огульного обвинения «среды» — и невольное противопоставление «перекованных» лагерников — «неперекованным» мещанам наших дней...

...А ведь мог бы быть иной случай... среда, окружающая Лизу, наиболее благоприятна для нее... и тогда Лиза будет бороться не *против*, а *за* эту самую среду, за свою новую жизнь — против того, кто мешает ей жить и работать.

Таким препятствием, естественно, оказывается Семен, ее первый муж, для которого новая жизнь не принесла «повышения» и он в ней «разочаровался».

...Словом, прочтя, вы увидите, как сдвинулась тема и почему я назвал пьесу «Портрет», как изменились персонажи и т. д.

Очень прошу вас, дорогой Алексей Максимович, побеседовать со мной после прочтения — или написать несколько строк, т(ак)к(ак), признаться,

хотелось бы выйти к съезду писателей с каким-то творческим багажом, особенно после тяжелой неудачи с «Ложью»³.

Крепко жму вашу руку!
Горьчий привет!

А. Афиногенов

На обороте письма приписка рукою Горького (чернилами, красным и синим карандашом):

Мария во 2-ом акте говорит много.

Песню — вон! Дать хорошие чужие стихи. Старику череп прошибла — Лиза — лишнее! Монолог Семена в 3-м ак(те) — длинен. Лизы — тоже.

¹ Первоначальные названия пьесы — «Лиза Сорокина» и «Женщина Беломор-строля». В пьесе был использован сюжет рассказа Афиногенова «Лиза Сорокина» (М., «Советская литература», 1933), однако в процессе работы замысел заметно изменился. В новой редакции пьесы, которую Афиногенов послал Горькому, Лиза Сорокина, бывшая преступница, проходит трудовую школу на строительстве Беломорско-Балтийского канала. Создать новую жизнь ей мешает ее первый муж, Семен Казанов. Узнав о новых преступлениях Семена, Лиза хочет убить его, но в последний момент отказывается от этой мысли и решает передать Семена следственным органам.

«Портрет» был закончен в 1934 г. Шел в Ленинградском Государственном академическом театре драмы и в ряде периферийных театров.

² Об этом разговоре Афиногенов писал матери 20 июня 1934 г.: «Горький очень внимателен и чуток ко мне. Он считает, пьесу можно сделать гораздо интереснее и глубже, чем она есть, и я с этим согласен сам..., это главное... Поэтому сейчас я уже сижу над планом переработки...» («А. Н. Афиногенов. Статьи. Дневники. Письма. Воспоминания», стр. 200—201).

³ См. письмо 3, прим. 1.

6

ГОРЬКИЙ — АФИНОГЕНОВУ

⟨Москва. Август 1934 г.⟩

Дорогой Афиногенов.

Мне кажется, что пьеса во второй редакции сильно выиграла.

Ощутимее и ярче стали фигуры Ловидова, Казанова, не плохо очерчен Линеv; Васюку дано мало места.

Очень выиграла Елизавета, но следует выбросить упоминание о том, что она «старику череп прошибла», это уж лишнее. В 3-м акте она — пожалуй — чрезмерно мелодраматична; впрочем, тут все зависит от актрисы. Монологи ее нужно сократить или разбить репликами Васюка и Семена. Его монолог тоже следует сделать нервнее, с того места, где он понял, что с ним не шутят.

Мария много болтает во 2-м акте, надо короче. Горюнова — хороша, Васюку следовало бы придать черты комизма, основанного на сознании им своего слабоволия, это особенно украсит сцену спаивания его Семеном.

Выкиньте песню Михаила, она — плоха, дайте ему хорошие, старые, лирические стихи.

За всеми поправками, которые вы сделали, основной смысл пьесы все же недостаточно ясен. По отношению к Семену смысл может быть понят так: «Черного кобеля не вымоешь до бела». А — Лиза? Ей следовало бы дать фразу или две, три на тему: ворам знакомо чувство чести, воры — не торгаши, не лавочники. Они умеют понять и достойно оценить человеческое отношение к ним. Вообще — что-то в этом роде, по этой линии. Пусть бы она сказала несколько слов о чекисте, о его безопасности ко врагам

трудового народа, о презрении к паразитам *в среде* трудящихся, о высокой оценке им честного труда.

Основную идею пьесы должна подчеркнуть именно Лиза,— как мне кажется. А недоговоренное ею следует сказать Марии. Дайте им сценку, где они вспомнили бы о работе на канале.

Хорошо бы заставить Лизу подумать: украла Мария или нет? Спросить ее об этом, показать возмущение и горе Марии, заставить Лизу поверить ей, попросить у нее прощения,— так будет драматичнее¹.

Привет.

М. Горький

Датируется на основании письма 5.

¹ После этого письма Горького Афиногенов заново переработал вторую редакцию «Портрета». Драматург освободил роль Лизы от излишней мелодраматичности, особенно ощущавшейся в сцене суда над Семеном, развил тему нового отношения бывших заключенных к труду, к чести рабочего человека, сократил и разбил репликами Васюка и Семена монолог Лизы в III акте, снял песню Михаила, разработал предложенный Горьким мотив размолвки между Марией и Лизой.